

Михаил Козырев
Подпольные миллионеры: вся
правда о частном бизнесе в СССР

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2476645

*Подпольные миллионеры : вся правда о частном бизнесе в СССР / Козырев Михаил.: Эксмо;
Москва, 2012
ISBN 978-5-699-51116-7*

Аннотация

Существовал или не существовал «бизнес» в СССР? И что это был за «бизнес»? Предпринимательство, инициатива, свобода – было ли это в советские времена? Есть ли это сегодня? Казалось бы, жизнь изменилась, экономика современной России строится совсем на других принципах, чем плановая экономика в СССР. Однако автор доказывает, что нет для общества опасности большей, чем поддаться ложному очарованию ушедшей эпохи. Рыночная экономика? Но власти в любой момент готовы взять в свои руки рычаги управления ею. Право частной собственности? Но предприниматели, как и прежде, находятся под гнетом чиновников, полиции, ФСБ, прокуроров, пожарных. Демократия? Но «Единая Россия» – почти полный аналог позднесоветской компартии. Эта книга – не о расхитителях социалистической собственности, хапугах, цеховиках и спекулянтах времен СССР. Эта книга о людях, чьи энергия, азарт, предприимчивость, готовность к риску и умение зарабатывать деньги могли реализоваться только нелегально. Эта книга – и о современности: о том, как работает и во что вырождается бизнес, вынужденный существовать в условиях бесправия и вне закона. Для широкого круга читателей.

Все права защищены. Никакая часть настоящего издания ни в каких целях не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, если на это нет письменного разрешения издателя.

Содержание

От автора	4
1	6
2	7
3	9
4	10
Глава I	12
1	13
2	14
3	16
4	19
5	20
6	22
7	24
8	26
Глава II	27
1	29
2	31
3	32
4	34
5	35
Глава III	36
1	37
2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Михаил Козырев

Подпольные миллионеры: вся правда о частном бизнесе в СССР

От автора

Раньше близко сталкиваться с такими людьми мне не приходилось. Выйдя из подземного перехода на Пушкинской площади, я увидел кучку странноватых персонажей с самодельными плакатами «Вывести войска из Чечни!», «Пусть сдохнут все имперские мечты!», «Не делайте Ингушетию второй Чечней!» и тому подобными.

Напротив этих довольно бедно одетых людей стояло несколько мужчин в добротных костюмах и куртках. Один из них добросовестно снимал на видеокамеру все происходящее. «Это что, фээсбэшники, что ли?» – удивился я. Один из тех, с кем я должен был встретиться, находился как раз в той кучке, которую снимал на видео человек в штатском. Это не то чтобы меня сильно пугало, но вносило в сюжет некую интригу.

В это время я работал в российском издании журнала Forbes. Мы готовили очередной номер с рейтингом богатейших предпринимателей. Для него было решено подготовить исторический материал о людях, которые промышляли бизнесом в Советском Союзе – спекулянтах, цеховиках (хозяевах подпольных производств) и прочих воротилах. Статью было поручено готовить мне.

Идея казалась выигрышной – о том, что в СССР существовал подпольный бизнес, многие слышали. И уж точно все помнят товарища Саахова из «Кавказской пленницы» и зловещего «шефа» из «Бриллиантовой руки». Задумка состояла в том, чтобы найти реальных прототипов этих персонажей, пообщаться с ними. Написать об их бизнесе, судьбах, образе жизни. В общем, все это выглядело заманчиво – как раз в стиле Forbes, в меру гламурно и чуть провокативно.

Приступив к изучению вопроса, я вскоре выяснил, что нужный мне человек – Виктор Сокирко. Нет, он не шил в подвале джинсы и не занимался спекуляциями. Свой срок на излете советской власти он получил по совсем другой статье – за критику существовавших в то время порядков и самиздатовские публикации. Затем, во времена перестройки, Сокирко, как и другие диссиденты, активно участвовал в общественно-политической жизни. В 1989 году он создал «Общество защиты осужденных хозяйственников и экономических свобод» – общественную организацию, которая должна была заняться пересмотром дел осужденных по экономическим статьям.

Всего через общество прошло несколько сотен дел. По многим из них Виктору Сокирко удалось добиться пересмотра приговоров. Если у кого и есть материалы по делам советских предпринимателей, так это у него, предположил я и связался с бывшим диссидентом. Сокирко предложил встретиться на Пушкинской площади. Сказал, что бывает там каждую неделю, по четвергам. И добавил: «У нас там пикет». Честно говоря, я не придавал этим словам особого значения.

И вот теперь выясняется, что Сокирко вовсе даже не бывший диссидент. Забегая вперед, скажу, что спустя несколько месяцев после нашей встречи Виктор

Владимирович был арестован на той самой Пушкинской площади. Мол, он нарушил правила проведения общественного мероприятия – заявил одно количество участников, а пришло гораздо больше (что неудивительно – пикет был проведен в знак протеста против только что произошедшего в Грозном убийства известной правозащитницы Натальи Эсте-

мировой). 70-летнего Виктора Сокирко скрутили омовцы и затолкали в милицейский автобус. Выпустили только через несколько дней.

Ну а тогда я подошел к какому-то давно не бритому мужику, держащему в руках картонку с чем-то вроде «Путина в отставку!», и спросил, есть ли тут Виктор Сокирко. Мне указали на пожилого мужчину. Я подошел, представился. Мы поговорили. Виктор Владимирович предложил подъехать к нему домой. Посмотреть архивные материалы. Через пару дней я уже был в его забитой стопками бумаг и книг трехкомнатной квартире в Марьино. Там, разбирая старые архивы «Общества защиты осужденных хозяйственников», мне действительно удалось найти нужное. И про «судьбы», и про «бизнес». Затем я нашел еще пару источников. Поговорил с несколькими цеховиками. Моя коллега Аня Соколова, с которой мы вместе работали над текстом, взяла интервью у отставных обэхаэсэсников. И мы написали бодрую статью.

Однако у меня по итогам всей этой истории осталось ощущение недосказанности. Копаясь в материалах уголовных дел тридцати-сорокалетней давности, я часто ловил себя на мысли о том, что все эти истории не утратили актуальности и сегодня. Это с одной стороны. А с другой – ну а что мы знаем о стране, в которой жили мы сами или наши родители всего лишь несколько десятилетий назад? Про «героев» и «антигероев» той эпохи? Про ту, настоящую реальность, которая прячется под лакированными производственными телероманами и трескучей пропагандой советских газет? Которая скрывается за фасадом общества, где на первый взгляд всем управляет и все принадлежит Государству с большой буквы?

Это стоит большего, чем развлекательная заметка в полуглянцевом журнале. В этом стоит разобраться. Для начала просто самому.

1

Вернемся на 40 лет назад. Промышленность, сельское хозяйство, торговля – все в руках государства. Управляют советскими заводами и фабриками директора, назначенные отраслевыми главками. Цены на товары определяет Госплан. Он же своими директивами назначает маршруты товарных потоков – на какое предприятие сколько и чего поставить. Госплан – это десятки тысяч сметчиков, плановиков, экономистов. Кажется, они знают все. Но на самом деле информация, которую перемалывает эта машина, и настоящее положение дел на предприятиях и в отраслях – две разные реальности. Итог: производственные цепочки в промышленности едва способны функционировать из-за неритмичности поставок от смежников. На прилавках магазинов – пустота. Сельское хозяйство, куда закачивают и закачивают государственные деньги, страдает от дефицита самых необходимых материалов, той же доски.

Если учесть, что едва ли не половина советской официальной экономики работала на оборонку, то получается, что частники обеспечивали каждый пятый рубль советского «мирного» ВВП.

И тогда появляются «толкачи», «цеховики», «спекулянты» – люди, которыми движет предприимчивость, инициатива. Они обеспечивают неповоротливый, разбалансированный механизм советской экономики «смазкой», которая позволяет ему хоть как-то функционировать. Толкачи, а не Госплан, организуют поставку в нужное время нужного количества комплектующих от смежников. Цеховики из бракованного сырья, а то и просто похищенных на советском производстве материалов, изготавливают востребованные населением товары – обувь, одежду и прочий ширпотреб. Спекулянты, снижая остроту проблем снабжения, обеспечивают поставки дефицита.

Кто эти люди, деятельность которых придавала советской экономической системе хотя бы минимальную степень гибкости? Наверное, их можно назвать предпринимателями. Они рисковали, они придумывали схемы, они зарабатывали деньги. Их деятельность формировала целый сектор советской экономики, так называемую теневую экономику. По оценкам – до 10 % официальной. А если учесть, что едва ли не половина советской официальной экономики работала на оборонку, то получается, что частники обеспечивали каждый пятый рубль советского «мирного» ВВП.

Сколько их было? Несмотря на официальный запрет предпринимательства, частным образом зарабатывали себе на жизнь едва ли не все советские граждане. Выращивали картошку на своих приусадебных участках. Разводили и сдавали государству кроликов. Шабашили на стройках. Шили сумки. Но настоящих предпринимателей, тех, кто зарабатывал деньги, а не занимался самообеспечением, было, конечно, меньше. Наверное, в лучшем случае несколько миллионов человек на весь Союз.

Самое поразительное, что они были. Несмотря на репрессии со стороны государства. Несмотря на культивируемые в обществе нетерпимость и снисходительно-презрительное отношение. Эти люди были. Иначе откуда в архивах «Общества защиты осужденных хозяйственников» взялась бы написанная в колонии рукопись Марка Шермана, советского «трейдера», как он себя называл?

2

Вот лишь один из ярких эпизодов из рукописи Шермана. Шестидесятые годы прошлого века. Пересыльная тюрьма в Усть-Лабинске. Свежеприбывшая с этапа партия эзков. В коридоре их растягивают в линейку: «Раздеться! Догола! Сидора перед собой!». Тюрьма старая. Коридор – в женской части. Бабы смотрят в щели из камер и визжат от счастья... Надзиратели потрошат мешки. Фотографии, у кого есть, с детьми, матерями, женами, сестрами, близкими – рвут и тут же на пол бросают. Дернувшихся собрать клочки – бьют.

«Шаг назад!» Шагнули назад. «Присесть! Встать! Сесть! Встать! Наклонись!» Смотрят в «очко», – или «гнус» по тюремной науке. Затем заходят спереди. «Откатить!» Смотрят, не надето ли что на член. «Собрали мешки! Быстро, быстро! В камерах оденетесь!» Заключенного Марка Шермана вместе с остальными впихнули в камеру. Внутри – человек пятнадцать. Сплошные шконки в два яруса, в форме буквы «П». Новоприбывшие разместились. Улеглись. Народ умаялся, заснули. Однако ночью Шерман проснулся – снизу слышалась какая-то возня.

«Братцы, дайте перед смертью покурить!» – прохрипел кто-то. Шерман сел на нарах, пригляделся. Напротив, на нижнем ярусе душили полотенцем человека. Захлестнули на шее, а концы – у двух парней. Один с одной стороны тянет, второй – с другой.

Обреченный, сидя между ними, глубоко затынулся. Красный огонек разогнал темноту. Стали видны черты лица. Шерман пригляделся и узнал – Никола Сочинский! Был свидетелем на лагерном суде. Воры его приговорили. И здесь, в пересылке, догнали. Приводят приговор в исполнение. Бедолага докурил, бросил окурочок. Каждый из парней уперся ему ногой в плечо, натянули полотенце. Человек забился в петле, захрипел, засучил ногами. Подскочил третий, с деревянным совком для мусора в руках. «Сука! Паскуда! Еще дергается. Умереть как человек не может!» – со злостью начал лупить совком ему по ногам. Никола дернулся еще несколько раз, затих. Его прикрыли одеялом до утра.

Утром один из стоявших в шеренге эзков сделал шаг вперед. Не из тех, кто душил, а другой: «Начальник, убери труп. Я человека задавил». Труп унесли, зэка, заломив ему руки, куда-то вывели. Потом дали три года.

То первое виденное им убийство Шерман поначалу часто вспоминал. А потом привык. Но вот этот крик – «Сука!... Еще дергается!» – и звук ударов деревяшкой по кости, не мог забыть до самого конца. Как тот зэк с деревянным совком, советское государство всю жизнь лупило Шермана по голове, по рукам и ногам. И голосами следователей, прокуроров, судей, лагерного начальства приговаривало: «Куда лезешь?! Сиди смирно! Как человек сдохнуть не можешь?»

Неоднократно судимый, рецидивист Шерман провел в тюрьмах более 20 лет. За что? «Я искал товары, материалы, комплектующие изделия. Я искал изготовителя. Я искал покупателя. Я работал. Я – посредник. При создании товарных фирм в стране я буду брокером», – написал Марк Шерман в своем письме из колонии в 1990 году, отбывая третий срок. Десять лет до этого он бомбардировал инстанции письмами и судебными апелляциями, доказывая, что его деятельность не нанесла советской экономике ущерба. Безрезультатно! «Над нами смеются, издеваются. Срок засчитан правильно... И ногами дрыгать не дают. Бьют...» – написал Шерман из тюрьмы.

Он получил 12 лет колонии за организацию поставок доски и бруса с сибирских лесозаготовительных предприятий в совхозы Сибири и Казахской ССР. Кроме леса, Шерман занимался поставками проволоки, тракторов, железного листа, трубы, цемента. Скрипящий и насквозь ржавый механизм советской плановой экономики просто не мог обеспечить нуж-

ное количество необходимых товаров в нужном месте. И тогда появлялся Шерман. Совхозы получали лес, а Шерман – очередной срок.

Марк Шерман не был одиночкой. У него были партнеры. Он находил среди таких же, как он, дельцов, контрагентов. Что двигало этими людьми? Только лишь жажда наживы? Или что-то большее?

Даже в советском обществе находились люди, склонные рисковать, чтобы жить достойно и независимо. И платили за это сломанными судьбами, здоровьем, жизнью...

Наверное, не только деньги. Дух предпринимательства, это не только про «бабки». Это еще и про стремление к независимости. Жажду активности. Нежелание выполнять бессмысленные распоряжения начальства. Даже в советском обществе, изрядно обескровленном гражданской войной, сталинским террором, коллективизацией, раскулачиванием и прочими экспериментами власти, из года в год находились люди, склонные рисковать, чтобы жить достойно и независимо. И платили за это сломанными судьбами, здоровьем, жизнью...

«Теневая экономика... Это то, чем дышит, работает и производит сегодня наша экономика. Это смазка централизованных планово-хозяйственных отношений. Убери – все встанет в стране. Что нужно сделать? Легализовать, отменить криминальность и уголовное наказание. Разрешить эту деятельность в светлую. Вот и все. Нужно наконец понять, что никакую куплю-продажу никогда не заменить самой идеальной системой материально-технического снабжения. Так как на всякий случай экономических отношений инструкций не издашь и не предугадаешь. Хватит гноить инициативных людей по тюрьмам. Для страны это о-о-очень дорогое удовольствие», – написал советский брокер Марк Шерман в декабре 1990 года.

3

Ну а кто на другой стороне? Шерман умер в 1994 году. А Владимир Дорофеев, человек, отправивший за время своей карьеры в ОБХСС десятки таких, как Шерман, в лагеря, и кое-кого — и к стенке, жив. У него маленькая дачка в Подмоскowie, недалеко от железнодорожной станции. Пятнадцатилетняя «Волга», здоровенный кобель немецкой овчарки. Оставив пса присматривать за гостями, Дорофеев, шаркая, удаляется в соседнюю комнату. Там у отставного начальника отдела оперативно-розыскной части ОБХСС архив. Дорофеев возвращается с пухлой папкой. Смахнув пыль, достает пожелтевшие машинописные и рукописные листки, схемы. Разворачивает карту, водит пальцем по нарисованным жирным красным цветом стрелочкам и условным значкам. Это «любимое» дело Дорофеева.

Мы работали на горе, почти в километре от аула, вспоминает он. У обэхаэсэсников там был пост с армейским дальномером. Оттуда велось неусыпное наблюдение за «объектом», расположенным в ауле Апсуа, теперь это в Карачаево-Черкесии. Несколько человек нанялись поденщиками в местный колхоз и каждый день выходили с мотыгами на примыкавшие к аулу поля. Кроме тяпок они были экипированы рациями, сообщали номера всех машин, въезжавших и выезжавших из населенного пункта. Среди жителей аула были завербованные агенты, регулярно снабжавшие ОБХСС свежими данными. Некоторые «стучали» на родственников.

Наконец наступил день «Х». Объект покинула машина с особо крупной партией груза. Грузовик проследили до Краснодара, где товар был передан и оплачен заказчиком. В момент передачи денег в помещение ворвались милиционеры. Арестовали несколько человек. В тот же день в аул нагрянули следователи в сопровождении взвода автоматчиков. Хозяин, некий Дадунашвили, пытался скрыться. Запрыгнул в «Волгу» и дал по газам. Уходя от погони, пытался избавиться от улик и лихорадочно выбрасывал в окно деньги. Мы их, конечно, потом собрали, довольно посмеивается Дорофеев.

Наследники Дорофеева, для которых предприниматель — это всего лишь по случайности еще не севший спекулянт, по-прежнему заправляют делами в органах.

Всего он тогда арестовал больше десятка человек. Но за что? Что такого происходило в ауле, ради чего потребовалось проводить целую полицейскую операцию, привлекать подразделение одной из советских спецслужб? Там было расположено производство наркотиков? Изготавливали оружие? Нет, конечно. Всего лишь шили... Шили плащи и куртки. Потом продавали их на рынках Ставрополя, Пятигорска и других городов Северного Кавказа. Два десятка швей подпольного производства стали свидетелями. Несколько человек организаторов получили длительные сроки заключения.

Вопрос о том, не были ли его тогдашние действия чрезмерно жестокими, Дорофееву даже не приходит в голову. Он до сих пор свято уверен в том, что занимался справедливым делом, преследовал спекулянтов и расхитителей. Арестованные им цеховики не просто воровали сырье, а производили из него полезные и нужные людям вещи, восполняя тотальный дефицит советской экономики? Отставной офицер ОБХСС и слышать этого не хочет. Он будто застрял в начале 80-х, в андроповских временах закручивания слегка ослабших гаек. И он далеко не одинок. Наследники Дорофеева, для которых предприниматель — это всего лишь по случайности еще не севший спекулянт, по-прежнему заправляют делами в органах.

4

Шерман вышел из тюрьмы в 1991 году. Спустя три года умер от рака. Родись он лет на тридцать позже, возможно, сумел бы создать крупную компанию. Построил бы успешный бизнес. Попал бы в список миллиардеров Forbes.

Но в реальности талант, энергия и жизненные силы Марка Шермана, как и сотен тысяч подобных ему, оказались растрачены на борьбу с советской системой и приспособление к скотским условиям лагерей. «Копии нет, времени прочитать и исправить ошибки нет. Она, как говорят, «с колес», – написал Шерман о своей рукописи, пересланной из колонии. – Но это будет исходным материалом для будущей книги. Которую мне все-таки помогут написать. Кто пожелает...»

Современная российская экономика, пусть и в искаженном виде, но функционирует на принципах рынка и свободного ценообразования. Результаты? Полные прилавки магазинов, супермаркетов, доступность любого товара или услуги. Многие сегодня считают, что так было всегда. СССР – это как сейчас, только все дешево, – вот что в головах у людей. Многие, кто вырос в 90-е или 2000-е годы, представить не могут, как можно получить реальный срок (пять, а то и десять лет колонии), просто за то, что купил и перепродал товар. За то, что проявил сметку и заработал денег.

Современная российская экономика пусть и в искаженном виде, но функционирует на принципах рынка и свободного ценообразования.

Сегодня люди ностальгируют по советским временам. Когда был «порядок» и водка по «три шестьдесят две». Когда все жили «честно» и не «воровали». Прошлое выглядит всегда более привлекательным, чем настоящее. Но для общества нет опасности большей, чем поддаться очарованию ушедшей эпохи и эксплуатирующим ностальгию манипуляторам. Предпринимательство, инициатива, свобода – этого не было в СССР. Этого мало и сегодня. Но оно есть, и чтобы не задушить эти слабые ростки, надо знать, как было раньше. И какова цена той, настоящей советской реальности. Это ее, изрядно приукрасив, пытаются выдать за достойную цель новые апологеты «жесткой руки», любители «государства», которое обо всех «позаботится».

И это еще одна причина прочитать эту книгу. Казалось бы, кого сегодня должно интересовать, существовал или не существовал бизнес в СССР? И что это был за бизнес? Ведь жизнь вокруг радикально изменилась. Кажется, ею управляют совсем другие законы. И уж во всяком случае, скажете вы, экономика современной России строится на совсем других принципах, чем плановая, социалистическая экономика СССР.

Однако каждый раз, когда я задавался этими вопросами, у меня был на них четкий ответ. Нет! Это не так. Жизнь, конечно, изменилась, но не столь уж и радикально.

Вы говорите: у нас же демократия, и КПСС давно нет? Я отвечу: «Единая Россия» сегодня – это заметно мутировавший, но очень похожий на свой прообраз клон позднесоветской компартии. И Виктор Сокирко, когда-то пытавшийся реабилитировать осужденных по экономическим статьям, вовсе не зря снова стал диссидентом.

Для общества нет опасности большей, чем поддаться очарованию ушедшей эпохи и эксплуатирующим ностальгию манипуляторам.

У нас рыночная экономика? Это не так. Власти, ни минуты не сомневаясь, готовы задействовать ручные рычаги управления. За последние десять лет государство вернуло себе господствующие позиции в экономике. Право частной собственности? В сегодняшней России это, похоже, пустой звук. А предприниматели, наиболее активная и производительная

часть общества, сегодня, как и тридцать, и сорок лет назад, находятся в положении «снизу». «Сверху» – чиновники всех мастей. Полиция, ФСБ, прокуроры, пожарные...

Так вот, можно сказать, что эта книга – про современность. Про то, как работает и во что вырождается бизнес, вынужденный существовать в условиях бесправия и вне закона. Когда благополучие предпринимателя держится на призрачной надежде, что лояльность системы можно купить за взятку.

Но эта книга – не о расхитителях социалистической собственности, хапугах, цеховиках и спекулянтах. Всех тех, кто во времена СССР считался носителями классово-чуждой частнособственнической идеологии. Уж чего-чего, а цели лепить из них романтических борцов за экономические свободы и противников тоталитарного государства у меня не было. Они и не были героями. Они просто не могли жить по-другому.

Государственная машина лицемерно, но периодически – с дьявольской эффективностью боролась с самой предприимчивой частью общества.

Все, что здесь написано, – это про людей, чьи энергия, азарт, предприимчивость, готовность к риску и умение зарабатывать деньги вытолкнули их в условия полуполюгального существования. И про то, как работала система, в которой сотни тысяч граждан занимались продуктивной, хоть и противозаконной деятельностью. Сопоставимое количество чиновников всех мастей с этого кормилось. А государственная машина лицемерно, но периодически – с дьявольской эффективностью боролась с самой предприимчивой частью общества.

Ведь это так знакомо нам сегодня, не так ли?

Глава I

Каждый третий советский рубль

Согласно последним опросам, большая часть российских студентов хотела бы после окончания своих вузов идти на госслужбу. Быть чиновником в глазах молодого поколения более привлекательно, чем создать собственный бизнес.

С одной стороны, это понятно. Свое дело требует постоянной заботы. Его нельзя оставить и уехать в отпуск. Оттуда нельзя уволиться. Но в то же время, где еще можно найти возможность стать действительно свободным человеком? Зависящим только от себя, своего таланта, способностей?

Выбор непростой. То, что далеко не каждый готов разменять предсказуемую карьеру на госслужбе или в крупной корпорации на неверную судьбу предпринимателя, – отнюдь не исключительно российский феномен. В США и Европе тоже далеко не всякий владеет собственным бизнесом. В современной российской ситуации удручает другое – динамика. Лет десять назад желающих уйти в самостоятельное плавание было гораздо больше.

Кое-кто, впрочем, даже готов утверждать, что, мол, проснувшаяся в массах в лихие 90-е страсть к предпринимательству – явление конъюнктурное. Жить было не на что, вот народ и пошел торговать на рынки. И это, наверное, во многом верно. Но вот что действительно удивляет – так это скорость адаптации большинства населения к новым условиям. К рынку, свободной торговле, возможности открыть свое дело.

Удивляет, если не знать, что даже в условиях СССР частной предпринимательской деятельностью были охвачены десятки миллионов человек. Во времена, когда занятие это официально считалось не то что предосудительным, а подсудным делом.

...Душевнобольные фанатики без ума и фантазии судили нас.

Умеющих, думающих, производящих. Судили. Судили созидателей!

Член областного народного суда Абиль Акопянович Крикбаев, обозвав меня бездельником, жуликом, хапугой, спрашивал:

– Что вы, Шерман, делали там?

– Работал, – говорю. – Ничего не делал бы – пиломатериалов в совхоз не приходило бы.

– Врете вы, Шерман! Сядете!

Это он мне. Ну что тут скажешь? Знает человек, что делает...

«Записки советского брокера», Марк Шерман

1

Году примерно в 85-м в нашей жизни произошло серьезное изменение. Мой отец – ведущий инженер военного КБ, разрабатывавшего противотанковые ракеты, переносные зенитные комплексы и прочее чудо-оружие – наконец-то купил коляску к мотоциклу. Наш двухцилиндровый «ижак», куда с грехом пополам, но мы могли усесться вчетвером, всей семьей – я на баке, папа за рулем, мама – сзади, а брат – между ними, – превратился из пассажирского транспортного средства в грузовое.

Отец собрал из досок раму и установил ее на коляску вместо люльки, где должен сидеть пассажир. На получившейся грузовой платформе можно было перевозить килограммов 200 груза. В нашем случае – свежескошенной травы или сена. Мы к тому времени развели кроликов, которые, как известно, дают не только ценный мех, но и три-четыре килограмма диетического мяса.

Зачем подающему надежды молодому специалисту одного из ведущих военно-промышленных предприятий возиться со всякой ерундой? Что еще за кролики? Ответ прост – в нашем родном городе Коломна мясо года с 80-го водиться в магазинах перестало. Ездить за ним в Москву? Мы пробовали. И тот, кто впихивал себя на Казанском вокзале вместе с kloкочущей толпой в заплыванную «рязанскую» шестичасовую электричку, поймет меня, если я скажу, что это отнюдь не легкое дело.

Жить полунатуральным хозяйством было заметно проще. Тем более что родители, не дождавшись квартиры в Коломне, купили частный дом и перебрались в один из пригородов.

Вслед за кроликами появились куры. Потом пара свиней, козы. Сено мы по-прежнему косили сами. Но где взять остальной корм? Картошку, кормовую свеклу, комбикорм, зерно? Теоретически, наверное, существовали и легальные пути. Но на практике мы общались с мужиками из местного совхоза, которые были готовы за бутылку достать практически что угодно. И доставали.

Пиком нашей сельскохозяйственной активности стала «огуречная кампания». Три или четыре года подряд мы занимали огурцами половину участка, солили урожай (получалось две 100-литровые бочки) и потом под Новый год продавали соленые огурцы на Рижском рынке в Москве. Не то чтобы это приносило большие деньги. Но сводить концы с концами – помогало.

Все это происходило, напомним, в середине 80-х. Перестройка, может быть, уже и началась, но до нас как-то еще не дошла. Советский Союз был крепок. Спекуляция и прочие виды нетрудовых доходов официально всячески порицались. На людей, похожих на частных, т. е. промышлявших самостоятельной экономической деятельностью, власти смотрели с недобрым прищуром. Но это я сегодня говорю, зная, что да как, задним числом, в основном из специализированной литературы. А тогда, в 80-х, ничего неправильного в том, что мы делали, я не замечал.

Родители понимали, что все это частное предпринимательство сомнительно с точки зрения официальной морали, но тему эту в нашем присутствии не обсуждали. Зато я помню другое. Отец всегда говорил – на родное государство надеяться не приходится. Не отберет, да и ладно. А хочешь заработать – работай сам. Он и работал. Зарабатывал нам на хлеб, на одежду, на строительство дома.

2

Забавная штука – советское государство вытравило частнособственнический инстинкт почти семьдесят лет, но так в результате и не преуспело. Возможно, потому, что при постоянно декларируемом отрицательном отношении к частной деловой активности, границы допустимого постоянно менялись.

...Очень жаль, но приходится лгать. Ложь у нас доминирует всегда и во всем. А начало этому процессу положили события 17-го года. Изначально мы пошли по пути противоестественному. Пытаясь из телеги древности изобразить автомобиль, мы к автомобилю пристроили колесо от телеги. На черное мы говорили белое и наоборот. Все наше развитие – это скачки какие-то. Крайности и шараханья. Но мы выдавали и выдаем развитие страны как планомерное и якобы историческое.

Обобществленный социализм не может быть товаропроизводительным. В свое время мы убили главное – свободных товаропроизводителей. А раз общественное, то конкретных виновников нет. И заведомую ложь и вину за нее обзывали ошибками. 73 года – это была плохая игра. Но при плохой игре мы делали умную морду. Таким образом, ложь порождала именно ложь. Чем дальше, тем больше. Мы сотканы из лжи и противоречия. Сплошной антагонизм...

«Записки советского брокера», Марк Шерман

Первыми декретами советская власть национализировала банки, заводы и фабрики. В гражданскую войну ЧК устраивала облавы на спекулянтов, комиссары пробовали строить «военный коммунизм», провели огосударствление оптовой и вообще всей крупной торговли. Но при этом де-факто были разрешены «блошинные» рынки и малый частный бизнес. Дальше наступил НЭП. Было ли это вынужденное отступление, тактический маневр – не так важно. Предпринимательская инициатива была почти на десятилетие выпущена из подполья.

Советское государство вытравило частнособственнический инстинкт почти семьдесят лет, но так в результате и не преуспело.

Дальше? Сталин победил в схватке за власть в советской верхушке, НЭП был свернут. Начались индустриализация и коллективизация. Казалось бы, частный бизнес должен был быть ликвидирован, а те, кто им занимался, поголовно отправлены рыть каналы. Но нет... В сталинские десятилетия в СССР процветали так называемые кустари и их артели, если говорить простым языком – разного рода малый и очень малый бизнес. Что в свете устоявшегося мнения об СССР 30-50-х годов как о тоталитарном государстве, безжалостно подавляющем любые ростки самостоятельности и инакомыслия (в экономике, политике, искусстве), выглядит несколько неожиданно. Но фактом остается то, что в конце 40-х – начале 50-х годов разного рода малым частным предпринимательством занимались сотни тысяч, если не миллионы человек.

Конечно, кустари, как классово чуждый и априори сомнительный элемент, находились под чутким надзором органов. Но команды на тотальную ликвидацию этого слоя так и не поступило.

Более того, «в послевоенный период был всплеск предпринимательской активности, народ сам себя обшивал, одевал», – говорит Леон Косалс, профессор Высшей экономической школы, автор нескольких исследований о теневой экономике СССР и России. После войны советская экономика лежала в руинах. Начавшаяся гонка вооружений требовала ускоренного восстановления тяжелой промышленности, которая пожирала все наличные ресурсы госу-

дарства. Власти по необходимости смирились с существованием обширного частного сектора в экономике. К концу 50-х годов прошлого века в СССР было зарегистрировано около 150 000 артелей (кооперативов) и частных-кустарей.

Артели должны были работать, используя отходы производства крупных предприятий. Таково, по крайней мере, было официальное оправдание существования такой формы организации производства. Но за этой «ширмой» скрывались обычные малые предприятия – цеха по пошиву одежды, выделке обуви и т. п.

К концу 50-х годов прошлого века в СССР было зарегистрировано 150 000 артелей (кооперативов) и частных-кустарей.

Естественно, работали они не только на отходах. Швейные артели, например, которым нужна была высококачественная резиновая тесьма, доставали ее на предприятиях авиационной промышленности, которым она выделялась в числе прочих материалов для производства парашютов. В многих случаях артели существовали непосредственно при заводах-«донорах», через которые и было налажено их снабжение. Уследить за десятками тысяч мелких производств по всей стране было просто нереально. В результате за пределами легальной, официальной экономики функционировали целые секторы и отрасли промышленности.

3

О масштабах нелегальной экономической деятельности в тот период можно судить по делу так называемого Управления военного строительства № 1 (УВС-1). По сути это была настоящая частная строительная корпорация с численностью сотрудников под тысячу человек, работавшая на всей европейской части СССР

Ее глава и хозяин – Николай Павленко – родился с селе Новые Соколы под Киевом в семье мельника, где, кроме него, было еще семеро детей. В 1928 году он сбежал из дому, подделав документы о рождении. Вскоре семья была раскулачена и сослана в Сибирь. А Николай Павленко перебрался в Калинин (сегодня – Тверь), где поступил в местный инженерно-строительный институт. Проучился там два года, затем бросил и устроился работать на стройку.

В деталях восстановить дальнейший жизненный путь Павленко уже невозможно. Остается лишь идти за следователями, которые смогли выявить некоторые из эпизодов. Например, в архивах НКВД были найдены датированные концом 30-х годов рапорты от неких Керзона и Сахно с решением привлечь Павленко «к разработке материалов против троцкистов Волкова и Афанасьева». То есть, похоже, сын мельника активно строчил доносы и клеветы на людей, с которыми работал на стройке. Сохранилась также рекомендация калининских органов НКВД о трудоустройстве Павленко в серьезную организацию «Главвоенстрой». Там он работал вплоть до войны – прорабом, старшим прорабом, заведующим стройучастком. Научился «работать с документами», понял, как устроена «машина».

С началом войны Павленко призвали в действующую армию. Однако в октябре 1941 года он, выписав себе поддельные документы, покинул часть и вместе с группой таких же дезертиров перебрался в Калинин. Там он организовал свой первый бизнес. Один из прибывших к группе дезертиров изготовил из резиновой подошвы ботинка печать с надписью «Участок военностроительных работ Калининского фронта» («УВСП-5»). За взятку в типографии были отпечатаны необходимые документы – накладные, наряды, договора и т. п. На прифронтовых дорогах Павленко подобрал с десятков брошенных грузовиков и бульдозеров. После чего сумел встроиться в систему военно-строительных частей Калининского фронта.

«Частное» подразделение было поставлено на довольствие. Военкоматы отправляли Павленко пополнение из числа новобранцев и выписывающихся из госпиталей бойцов. А разросшаяся часть чинила дороги, ремонтировала мосты, строила аэродромы и госпитали. Меняя названия и подчиненность, строительная часть Павленко вместе с фронтом продвигалась на запад. Несколько раз вступала в столкновения с вооруженными группами немцев, оказавшимися в тылу советских войск. И все четыре года войны часть Павленко была загружена работой, стояла на всех видах довольствия.

Был ли Павленко единственным такого рода частным подрядчиком Советской армии или всего лишь самым крупным из числа выявленных? Сегодня сложно сказать. Но, по крайней мере, он действительно строил. И претензий к его работе у заказчиков не возникало. Войну Павленко закончил под Берлином. Уже после Победы, договорившись за взятку с военпредами Управления вещевого и обозного снабжения Министерства обороны СССР и представителями временной военной комендатуры Штутгарта, Павленко получил в свое распоряжение железнодорожный эшелон из тридцати вагонов.

В него были загружены десятки тонн муки, сахара и круп, реквизированных у местного населения. Пара сотен голов домашнего скота. Десять грузовиков, пять тракторов, несколько легковушек и другая техника. Доставив все это в Калинин и распродав на «черном» рынке, Павленко демобилизовал большую часть своей части. Каждому из рядовых он выплатил от

7 до 12 тысяч рублей. Офицерам – от 15 до 25 тысяч. Себе, как установило позже следствие, оставил около 90 000 рублей.

Оставив себе часть вывезенной из Германии техники, Павленко организовал в Калининне гражданскую строительную артель «Пландорстрой». Какое-то время работал на ее базе. Однако здесь, в центральном регионе, был слишком жесткий контроль, и развернуться не получалось. Павленко перебрался во Львов. Туда же съехалась и большая часть его бывших подчиненных. Была создана новая структура – Первое управление военного строительства, или УВС-1. Вскоре она превратилась в одну из крупнейших в регионе строительных организаций.

Штаб части располагался в Кишиневе, у нее было свое знамя с постоянным дежурящим часовым, вооруженная охрана по периметру. Личный состав поступал из местных военкоматов. Подряды – от промышленных предприятий и организаций Молдавии, Украины, Белоруссии, западных областей РСФСР и Прибалтики. УВС-1 одновременно вело работы на десятках площадок, Павленко строил на совесть.

Один из следователей, работавших по делу Павленко, позже вспоминал: «В городе Здолбунове (Ровенская область УССР. – М.К.) воинская часть Павленко строила подъездные пути к восстанавливаемому цементному и кирпичному заводам. Должен сказать, строил он отлично. Приглашал специалистов со стороны, по договорам. Платил наличными в три-четыре раза больше, чем на госпредприятии. Проверять работу приезжал сам. Если найдет недостатки, не уедет, пока их не исправят. После откатки сданного пути выставлял рабочим бесплатно несколько бочек пива и закуску, а машинисту паровоза и его помощнику лично вручал премию, здесь же, принародно».

Наверное, рано или поздно «корпорация» Павленко была бы выявлена – уж слишком большой размах приобрела ее деятельность. С 1948 по 1952 год УВС-1 по подложным документам заключило шестьдесят четыре договора на сумму 38 717 600 рублей. Почти половина договоров проходила по линии Минуглепрома СССР. Павленко открыл текущие счета в двадцать одном отделении Госбанка, через которые по фиктивным счетам получил более 25 миллионов рублей. Из этих денег он платил взятки практически всем своим контрагентам. Хорошо «смазанный» механизм работал без сбоев.

Однако в 1952 году все решил случай. Павленко, решив сделать из своей части совершенно обычную советскую организацию, подписал своих сотрудников на облигации государственного займа (они были куплены нелегально на «черном» рынке во Львове). Один из солдат, получив бумаг на меньшую сумму, чем было заплачено, написал заявление в местную прокуратуру. Началась проверка. В ее ходе быстро выяснилось – УВС-1 нигде официально не числится! Ни в вооруженных силах, ни в Министерстве внутренних дел. Нигде.

Для ликвидации бизнеса Павленко была проведена тщательно спланированная операция. 14 ноября 1952 года в штаб УВС-1 и всего его подразделения в одно и то же время нагрянули следователи, подкрепленные вооруженными подразделениями поддержки. Сопротивления, впрочем, они не встретили. Всего было задержано более 300 человек, из них около 50 так называемых офицеров, сержантов и рядовых из числа ближайшего окружения Павленко, которые были в курсе нелегального характера деятельности УВС-1. Был арестован и сам Николай Павленко, который к тому времени присвоил себе звание полковника.

В ходе обысков в УВС-1 было обнаружено и изъято 3 ручных пулемета, 8 автоматов, 25 винтовок и карабинов, 18 пистолетов, 5 гранат, свыше 3 тысяч боевых патронов, 62 грузовых и 6 легковых автомашин, 4 трактора, 3 экскаватора и бульдозер, круглые печати и штампы, десятки тысяч различных бланков, множество фальшивых удостоверений личностей и техпаспортов.

Через два года состоялся суд. Павленко и его 16 подельникам предъявили обвинения в создании контрреволюционной организации, подрыве государственной промышленности

и антисоветской агитации. «Я никогда не ставил целью создание антисоветской организации», – заявил в последнем слове Павленко. Он уверял, что всего лишь занимался строительством. И строил хорошо. «Заверяю суд, что Павленко еще может быть полезен...» – «Полковник» рассчитывал на снисхождение в обмен на обещание работать в будущем лишь на государство. Однако приговор трибунала Московского военного округа от 4 апреля 1955 года был суров и предсказуем: Павленко был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, а его офицеры – к лишению свободы сроком от 5 до 25 лет.

4

Характерная деталь – Павленко судили за антисоветчину, а не за незаконное предпринимательство и хищения. И понятно почему – за хозяйственные преступления организатор крупной даже по современным меркам частной строительной корпорации мог получить лишь длительный срок лагерей. Но никак не расстрел. «Политические» статьи были применены по делу Павленко потому, что это действительно из ряда вон выходящий случай. Подавляющее же большинство дельцов в 40-е и первой половине 50-х годов могли существовать в условиях более-менее щадящего режима.

Репрессии начались после смерти Сталина. Как ни странно – при Хрущеве. Том самом Хрущеве, что разоблачил с трибуны XX партсъезда культ личности. Новый генсек обещал построить коммунизм к 1980 году. Частники в этот план не вписывались. Какой действительно коммунизм, когда под боком рассадник частнособственнической заразы – артели да кустари? Упертость и идеализм Хрущева для многих оказались страшнее сталинской железной руки.

«Они уже знали, что их расстреляют... Сильно плакали. Разбегались и бились головой об стену. Смотреть было тяжело», – вспоминает Бегдажан Атакеев, сокамерник двух обвиняемых по на шумевшему в начале 60-х делу киргизских трикотажников. Зигфрид Газенфранц (помощник мастера местной трикотажной фабрики) и Исаак Зингер (мастер одной из промышленных артелей) работали «топ-менеджерами» настоящей корпорации, специализировавшейся на пошиве кофточек, платьев, свитеров и т. п.

Артели киргизских трикотажников были лишь надводной частью их бизнеса. Многие операции проходили за пределами официальной отчетности. Закупались материалы, оборудование. Зачастую в артелях использовался труд рабочих государственных фабрик. Некоторые из фактических хозяев артелей работали одновременно на госпредприятиях. Они покупали списанное оборудование, ремонтировали его и запускали в работу. Трикотажные машины размещались на территории фабрик, в пустующих помещениях цехов и гаражах. За выпуск неучтенной продукции рабочие получали зарплату в несколько раз выше официальной и работали в три смены.

Упертость и идеализм Хрущева для многих оказались страшнее сталинской железной руки.

Ядро киргизских трикотажников составили евреи, эвакуированные во Фрунзе во время войны из западных районов СССР, в том числе с бывших территорий Польши и Румынии. Многие из них, в отличие от прежде переселенных в Киргизию евреев, не были настроены на скорейшую ассимиляцию. Доходы от предпринимательской деятельности хоть в какой-то степени позволяли им поддерживать привычный стандарт жизни. Семья Газенфранца, например, жила в большом доме с прислугой. У главы семейства был кабинет и лаборатория в отдельном флигеле.

«Часть трикотажников была с Запада, [их] психология отличалась от нашей. Они, например, спокойно спали, наивно полагая, что, если они дали взятку верхушке, этим гарантирована безопасность», – вспоминает родственник одного из расстрелянных. Иллюзии развеялись в январе 1962 года, когда по «трикотажному» делу в Киргизии было арестовано около 150 человек. Их ждала крайне незавидная судьба.

5

К излету советской эры самой суровой мерой – смертной казнью – Уголовный кодекс карал двадцать два вида преступлений. Среди них – несколько экономических. Расстрел полагался за хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах и валютные операции (включая сделки с золотом).

Показательно, что в конце сороковых годов экономические статьи из списка расстрельных были изъяты. Их возвращение состоялось по личному требованию генерального секретаря Никиты Хрущева. На очередном пленуме ЦК КПСС, выступая с речью, Хрущев неожиданно для всех заговорил о приговоре по делу крупных валютных спекулянтов Яна Рокотова и Владимира Файбишенкова. Они были осуждены на длительные сроки заключения. Но Хрущеву этого показалось недостаточным.

«За такие приговоры судей самих судить надо», – раздраженно бросил он председателю Верховного суда СССР. В экстренном порядке уголовное законодательство было пересмотрено. По делу Рокотова, Файбишенко оно было применено задним числом, оба были расстреляны. Это дело положило начало волне настоящего террора против советских предпринимателей.

Расстрел полагался за хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах и валютные операции.

Вспышка гнева генсека была вовсе не случайной. Еще в марте 1959 года во время встречи Анастаса Микояна с американским экономистом Виктором Перло, американец пожаловался, что его повсюду донимают какие-то люди, предлагающие ему продать валюту. Затем во время встречи публициста Альберта Кана с партийным идеологом Михаилом Сусловым иностранец заметил, что в социалистической стране безнаказанно промышляют спекулянты валютой. Суслов был взбешен. Он обвинил руководство МВД в том, что оно не справляется. И потребовал передать борьбу с контрабандой и нарушением валютных операций в ведение КГБ. Чекисты взялись за дело и вскоре досконально выяснили, что творится на нелегальном валютном рынке СССР.

Его сердцем была так называемая «плешка» – улица Горького (ныне Тверская) от Пушкинской площади до гостиниц «Националь» и «Москва». Именно сюда приходили валютчики на охоту в надежде встретиться с иностранцами, потенциальными продавцами валюты. Охотники получили прозвище «фарцовщиков» (производное от «форсельщик», что, в свою очередь, произошло от вопроса, задаваемого иностранцу: «Have you anything for sale?»).

Впрочем, поисками иностранцев с валютой на «плешке», в универмагах, гостиницах и на выставках занимались представители самого низшего звена. Их называли «бегунками» или «рысаками». Собранные деньги они передавали выше, «шефам». А те – настоящим крупным валютными спекулянтам, «купцам». Они были тщательно законспирированы. Их знал ограниченный круг проверенных лиц. Некоторые из них при этом работали на милицию и периодически сдавали своих «бегунков». В таком виде система функционировала долгие годы, если не все десятилетия советской власти.

При Хрущеве ситуация радикально изменилась. Согласно одной из версий, неприятные замечания по поводу валютчиков пришлось выслушать не только Суслову, но и самому Никите Сергеевичу. В конце 1960 года он был с визитом в Западном Берлине. Во время встречи с местными властями, Хрущев в свойственной ему манере обрушился на капиталистические порядки. «Город превратился в грязное болото спекуляции», – гремел Хрущев. Однако в ответ получил выкрик из зала: «Такой черной биржи, как ваша московская, нигде в мире нет!».

По возвращении домой Хрущев потребовал от КГБ справку о том, как ведется борьба с валютчиками и контрабандистами. К тому времени комитетчики уже провели серию задержаний ключевых игроков рынка. Они, хоть и были хваткими и чрезвычайно осторожными людьми, но соперничать с Комитетом, с его безграничными ресурсами и возможностями, конечно же, не могли. Среди арестованных оказались валютные «короли» Владислав Файбишенко, Ян Рокотов и Дмитрий Яковлев, настоящие киты в среде валютчиков, державшие в своих руках наиболее крупные операции.

Воротилы долго запирались, но следователи сумели расколоть их, предъявив многочисленные улики и свидетельские показания контрагентов. Суд приговорил всех троих к восьми годам заключения, – максимально возможное наказание за валютные преступления, существовавшее на момент их совершения Яковлевым, Файбишенко и Рокотовым. Уже в ходе судебного разбирательства Указом президиума Верховного Совета СССР срок наказания за незаконные валютные операции был увеличен до 15 лет. Но поскольку новации были приняты после ареста главных фигурантов валютных дел, эта мера не могла быть применена к ним задним числом.

Все это пытались объяснить Хрущеву – что закон обратной силы не имеет, что наказание за совершенное преступление возможно лишь исходя из законодательства, действовавшего на момент ареста преступников. Однако тот и слушать ничего не хотел. По личному настоянию генсека в аппарате ЦК КПСС была спешно подготовлена записка в Политбюро, где обосновывалось изменение статей Уголовного кодекса, касающихся незаконных валютных операций в сторону ужесточения наказания вплоть до смертной казни.

1 июля 1961 года председатель Президиума ВС СССР Леонид Брежнев подписал Указ «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях», которым вводилась расстрельная статья за валютные операции. А Генпрокурор Руденко моментально подал протест на «мягкость» приговора. Дело принял к рассмотрению Верховный суд РСФСР, и по итогам длившегося два дня открытого судебного процесса приговорил троих валютчиков к расстрелу.

Указ «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях» вводил расстрельную статью.

И хотя потрясающее беззаконие советских властей вызвало волну протестов по всему миру – открытое письмо Хрущеву по этому поводу написал, например, французский философ и общественный деятель Бертран Рассел, – приговор был вскоре приведен в исполнение.

6

Практически одновременно с поправками, вводящими смертную казнь за валютные операции, высшая мера наказания была введена и за хищения социалистической (читай – государственной) собственности в особо крупных размерах. Под эту статью можно было подвести практически любое нелегальное производство в тогдашнем СССР. Что и произошло в отношении киргизских трикотажников.

Большая часть эпизодов дела цеховиков из Фрунзе, как и аресты большинства из них, тоже происходили до принятия поправок, вводящих смертную казнь за экономические преступления. Однако, как и в случае с Рокотовым и Файбишенко, судья без колебаний применил их задним числом. «Мы государству ущерб не нанесли. Сколько было у государства, столько и осталось. Мы выворачивались на собственные деньги, выпускали неучтенную продукцию. Нас судить за хищения никак нельзя», – отбивался на суде от расстрельной статьи Зигфрид Газенфранц. Безуспешно. Купленные и отремонтированные станки, сырье, рабочее время и прочие ресурсы – все было признано похищенным у государства. Результат – 21 расстрелянный по делу.

Волна подобных процессов прокатилась по всему СССР. И дело не ограничилось лишь окраинами – Украиной, Закавказьем, Средней Азией или Прибалтикой. Крупный цех, кстати тоже трикотажный, был разгромлен в Москве. Бизнес был организован неким Ройфманом. 1925 года рождения, со средним образованием, он, как потом выяснило следствие, с 1947 года занимался организацией цехов при различных госпредприятиях и организациях. В 1957 году запустил производство неучтенной продукции в трикотажном цехе производственного комбината общества глухонемых в Калининe. Потом купил за 2000 рублей должность заведующего мастерскими психоневрологического диспансера Краснопресненского райздрава отдела города Москвы и перебрался в столицу.

Подкупив кого надо, Ройфман добился разрешения создать при психдиспансере трикотажный цех. По легенде в нем больные должны были заниматься трудотерапией. Естественно, все, кто подписывал Ройфману документы, были в курсе, что лечение тут ни при чем. Из сотрудников диспансера теневик собрал команду управленцев для своего дела. В доле был и главврач диспансера – для него создали специальную должность медицинского сотрудника цеха, с официальной зарплатой, которая выплачивалась каждый месяц.

Однако помимо официального производства Ройфман оборудовал и настоящий цех. Он размещался в подвалах соседнего с диспансером жилого дома. Там стояло несколько десятков трикотажных машин, добытых на ленинградском заводе «Станкоинструмент». Сырье бралось с Загорской трикотажной фабрики. За те несколько лет, что работал цех Ройфмана, там было переработано 460 тонн шерсти. Работа шла в три смены. Изготовленные дамские кофточки, платки, джемпера и прочее отправлялись затем в торговые палатки, расположенные на рынках и при вокзалах. Продавцы имели долю с продаж.

Интересно, что, как и в случае с подпольной строительной корпорацией Павленко, цех при московском психдиспансере был выявлен случайно. Один из партнеров Ройфмана, некто Шакерман, поссорился со своими родственниками, и те написали жалобу в прокуратуру, в которой сообщили о высоких нетрудовых доходах Шакермана. Была проведена проверка. Золота и ценностей милиция не обнаружила, но дом и его обстановка действительно не соответствовали официальным доходам хозяина. Завели дело, начались обыски. Вскоре была вскрыта деятельность цеха.

В итоге у Ройфмана и Шакермана обнаружили несколько десятков килограммов золота. Хищения в особо крупных размерах и незаконные золотовалютные операции – этого

хватило, чтобы приговорить хозяев московского цеха к высшей мере наказания. Ройфман и Шакерман были расстреляны.

Количество смертных приговоров в 1961 году, когда была введена смертная казнь за экономические преступления, выросло более чем втрое.

Количество смертных приговоров в 1961 году, когда была введена смертная казнь за экономические преступления, выросло по сравнению с 1960 годом более чем втрое – до 1990. В 1962-м высшая мера наказания была применена 2159 раз. В дальнейшем количество смертных приговоров сократилось. Но дамоклов меч вероятного наказания висел над каждым, кто занимался в СССР «коммерцией». Например, в 1973 году, в разгар брежневского застоя, когда нравы, особенно в закавказских республиках, значительно смягчились, в Азербайджане был расстрелян Теймур Ахмедов, отец предпринимателя Фархада Ахмедова, сегодня – одного из богатейших людей в России, номер 103 в списке журнала Forbes.

Ахмедов-старший был директором одного из крупных пищевых предприятий республики и пользовался репутацией крупного цеховика.

С приходом к власти Юрия Андропова за «коммерсантов» вновь взялись всерьез. Взять хотя бы дело о нелегальном пошиве одежды в ауле Апсуа, которое расследовал Анатолий Дорофеев, – в его рамках к смертной казни были приговорены три человека.

7

Но вернемся в 60-е годы – при Хрущеве артели и кустари входили в состав государственных предприятий. Частное предпринимательство было окончательно вытеснено из легальной сферы. Репрессии против частника приобрели системный и более жестокий характер. Но, несмотря на уголовные статьи, частнопредпринимательская деятельность в СССР не затихала. Насколько масштабным было это явление? В СССР если и велась такая статистика, то сейчас она «зарыта» в до сих пор секретных архивах ФСБ и МВД. Но возможность дать количественную оценку бизнеса «по-советски» тем не менее есть.

В 70-80-х годах прошлого века американский университет Дьюка (Калифорния) провел одно из самых масштабных социологических исследований, проливающих свет на реальную экономическую жизнь в Советском Союзе. В нем приняло участие около 3000 бывших советских граждан, эмигрировавших в США. Самую большую группу – 85 % – составили эмигранты, покинувшие СССР в период 1971–1982 гг. Это были бывшие советские граждане одиннадцати республик (Казахстан, Киргизия, Туркмения и Таджикистан в поле зрения ученых не попали) проживавших в основном в крупных индустриальных городах. О чем спрашивали бывших владельцев «серпасто-молоткастого»? Если коротко – то о жизни в «совке».

Специально обученные интервьюеры (так и хочется добавить – в штатском) задавали эмигрантам десятки вопросов: о составе семьи, образовании, роде деятельности, уровне благосостояния, жилищных условиях, расходах и доходах, банковских вкладах, пенсиях, потреблении алкоголя, владении автомобилем и т. п. Однако в центре внимания людей с опросными листами, часами «терзавших» бывших советских граждан, было то, что американские социологи чуть позже назвали «вторая экономика» (second economy) Советского Союза, то есть нелегальная, не подчиняющаяся всемогущему Госплану, который рулил «первой», официальной экономикой Союза.

За частное предпринимательство полагается суровое наказание, но жирная «смазка» коррупции позволяет миллионам людей решать проблемы с Уголовным кодексом.

Да, к исследованию можно было бы предъявить массу претензий. Взять хотя бы этнический состав группы, принявшей участие в опросе: евреи – 53 %, армяне – 23 %, 18 % – русские, украинцы и белорусы, 7 % – все остальные. Но что делать – опрашивать приходилось того, кто выехал. А это была так называемая еврейская волна эмиграции.

Еще один большой минус – выборка формировалась не случайным образом, как требуют каноны социологии, а организаторы сами отбирали респондентов. Но можно сказать еще раз – опрашивали тех, кого можно было спросить. И тем не менее это было первое действительно фундаментальное научное исследование, проливающее свет на то, как на самом деле функционирует реальная, а не «госплановская» советская экономика.

Что было ясно из опросов? Например, то, что мало кто в СССР жил на одну лишь зарплату (вы же помните, какой отклик находила в сердцах советских людей крылатая фраза Папанова в «Бриллиантовой руке»). Что люди изворачиваются тысяча и одним способом, но умудряются получать доходы, не зависящие от государства. Что значительная часть торгового оборота проходит не через официальные торговые сети, а по нелегальным каналам. Что, несмотря на официальные запреты, советские граждане занимаются частным предпринимательством. И что, да – за это полагается суровое наказание, но жирная «смазка» коррупции позволяет миллионам людей решать проблемы с Уголовным кодексом.

Конечно, обрывочные сведения о том, что функционирование советской экономики не столь безупречно, как явствует из официальных данных, в США поступали и раньше. Однако анализ данных, полученных в ходе исследования, получившего название Berkerly-Duke survey, позволил впервые систематизировать ранее разрозненную информацию о реалиях советской экономики.

Вот некоторые штрихи к картине. За пределами четко регламентированной Госпланом экономики прежде всего остается сельское хозяйство. По оценкам американских исследователей, объем продуктов, выращенных на подсобных участках и продаваемых на колхозных рынках или с рук, составлял до 25 % всего потребляемого в СССР продовольствия. Сама по себе эта деятельность не была незаконной. Однако приобретение семенного фонда, удобрений, кормов для выращивания животных и домашней птицы в большинстве случаев было уже нелегальным. Как непосредственный участник такого рода деятельности подтверждаю – так оно и было!

Мощный частный бизнес сформировался в строительном секторе советской экономики. В некоторых регионах на частных подрядчиков-шабашников приходилось до половины всех строительных рабочих. Что еще? Нелегальная продажа товаров «с черного хода» сотрудниками государственных магазинов. Репетиторы, натаскивающие школьников для поступления в вузы. Сдача квартир и дач. Самогоноварение. Проституция. И так далее.

Как оценивали в 70-х – начале 80-х годов американские исследователи по итогам социологического опроса эмигрантов, «частные» доходы, то есть полученные не от государства, составляли от 28 до 33 % всех доходов советских домохозяйств. В частном секторе было занято до 10–12 % всей рабочей силы.

Стоит вдуматься в эти цифры. Каждый десятый работал на себя, ну или на «дядю», но никак не на государство. Каждый третий рубль, зарабатываемый в СССР, приходился на частный сектор. А если исключить привилегированные слои общества – высококвалифицированных рабочих на заводах оборонки, верхушку технической и гуманитарной интеллигенции, партийную номенклатуру и т. п.? Получается, что «левые» доходы граждан составляли половину и более семейного бюджета.

...Ну разве разумна эта страна? «Все вокруг народное, и все вокруг мое!» А фактически – ничье! Собственность ничейной быть не может по существу своего определения. И если собственностью не пользуется народ, если в своей стране он только наемный и эксплуатируемый работник, то, значит, собственность отчуждена от народа правящими верхами как раз по определению Маркса. Когда бюрократия превращает государство в свою частную собственность, лишая людей материальных и моральных стимулов, приучая их к безответственности и безразличию. А все, кто проявлял самостоятельность, активность, будь то ученый или производственник, подлежали изоляции и уничтожению... Памятна всем судьба Ивана Худенко, Иоханнеса Хинта, воркутинских строителей, печорских золотоискателей... Да и моя судьба показательна не менее...

«Записки советского брокера», Марк Шерман

8

Вернемся к началу рассказа про наш «грузовой» мотоцикл. В моей личной истории нет особого эксклюзива. Частная экономическая инициатива в советском обществе 70-80-х годов, да и более раннего периода – вполне распространенное явление. Причина проста – людям свойственно стремление к лучшему, ради этого они готовы работать и зарабатывать. Так что бизнес в СССР был. Он кормил десятки миллионов человек. Другое дело, что с точки зрения государства частное предпринимательство считалось злом. И с ним необходимо было бороться.

С точки зрения государства частное предпринимательство считалось злом. И с ним необходимо было бороться.

В случае с мелким и очень мелким «своим делом» было по умолчанию признано, что это зло неизбежно. И действительно – советская власть так и не смогла накормить население за счет колхозов и совхозов. Что же теперь, умирать с голоду? Нет, пусть уж лучше инженеры копаются на своих огородах. Но стоило частнику чуть приподняться, в силу вступали совсем другие правила игры.

Результат? Как бы сказать... Назвать формы, в которые выливалась предпринимательская активность советских граждан, извращенными и противоречащими здравому смыслу, это почти ничего не сказать.

Вершину пирамиды бизнеса в СССР составляли настоящие подпольные фабрики, действовавшие под прикрытием государственных предприятий, использующие их сырье и рабочую силу. Несмотря на огромный, в прямом смысле смертельный риск для руководителей таких цехов, предприятия процветали годами, прежде чем подвергнуться разгрому. Рассмотрим конкретный пример.

Глава II

Бакинский цеховик

...Растет в Приангарье очень ценная сосна – тонкослойная, смолистая, влагостойкая. Строительный пиломатериал из этой сосны поставляют на экспорт. За кубометр платили по 120 рублей в 1980 году. Сегодня платят вдвое дороже. Каждая доска строго выдерживается в размерах – калибруется по толщине, ширине, длине, количеству сучков и их диаметру. А все, что не калибруется, уходит в пониженную сортность либо в некондицию и... сжигается на знаменитой свалке в Лесосибирске. А ведь это замечательный лесоматериал, так необходимый в народном хозяйстве. Хотя бы как черновая бытовая заготовка по 19 рублей за кубометр.

Добившись постановления Красноярского крайисполкома с разрешением продажи этой некондиции на сторону, руководство Ново-Енисейского ЛДК и ЛДК-2 Лесосибирска вступило со мной в договорную сделку, на которую их в немалой степени натолкнуло стихийное бедствие на Ново-Енисейском ЛДК.

Там полностью сгорел товарный склад экспортной продукции. Чтобы имелось представление о нанесенном ущербе, я только скажу, что сгорели большое подъемно-транспортное хозяйство, силовые подстанции, пожарные службы. Погибло огромное рентабельное хозяйство. Поставки пиломатериалов с комбината, а значит, и взаиморасчеты с потребителями прекратились. Поступления денег на счет – тоже.

Встал первоочередной вопрос при ликвидации аварии: МТС (материально-техническое снабжение. – *М.К.*). Где взять инженеров-снабженцев, которые бы знали и могли поставить не только необходимые материалы, скажем, по группе металлов, но и кабельную продукцию, трос, комплектующие изделия, электродвигатели, двигатели внутреннего сгорания, транспортные средства и многое, многое другое?

Снабженцев приглашали со стороны: из Талды-Кургана, Новосибирска, Омска. Из Кургана пригласили меня. Моя «полезность» заключалась в том, что я сразу нашел «заказчиков» – покупателей, которые могли платить вперед. Это были платежеспособные колхозы, совхозы, способные сразу платить зарплату рабочим на ЛДК за ликвидацию аварии и выпуск продукции для них. По моим заказам. И дело пошло.

Обо всем этом имеются справки в адвокатском досье. В них указан и экономический эффект от моей деятельности. Но когда в мае 1981 года началось следствие, людьми руководил не ум, а страх. От них ведь не требовали правду, она была не нужна следствию. Кто начинал настаивать на истине, его тут же «ломали»... И он говорил то, что нужно было следователям. Люди боялись тюрьмы пуще смерти!

«Марк Михайлович, ты обречен!» – говорили мне самые близкие люди...

Записки советского брокера, Марк Шерман

На свалке сжигают отходы производства. Между тем эти отходы имеют вполне известную коммерческую ценность. Да и вовсе это не отходы – это доска, брус, ну, может быть горбыль (доски с корой). Все это – востребованный в строительстве материал. Находится

человек, который организует его поставки потребителям. Помогает предприятию заработать деньги на восстановление после пожара. С сегодняшней точки зрения, да и вообще, с точки зрения здравого смысла – рациональная и эффективная экономическая деятельность. Не так в советской экономике, где движение товарных потоков было возможно лишь по решениям Госплана и всевозможных главков. Частная инициатива? Какой такой брокер?! Пятнадцать лет ему!

Раздавая взятки, деятели советской неофициальной экономики создавали вокруг своего бизнеса «кокон», вроде бы обеспечивающий его безопасное функционирование.

Хотя, конечно, в своих записках Шерман кое-какие моменты обходит. Каким образом он договорился с руководством ЛДК, что его пустили к этим самым отходам производства? Вот так он пришел, и его сразу пустили? Нет, конечно. Каждый из участников экономических схем, выходящих за рамки официальных, был вынужден нарушать закон. И его партнеры, контрагенты, в общем – другая сторона, тоже должны были это делать. А еще оставались проверяющие и контролирующие органы.

Им всем надо было платить за риск. Платить деньгами, услугами – всем, что может быть оценено. Это была деятельность, непрерывно производящая коррупцию. Раздавая взятки, деятели советской неофициальной экономики создавали вокруг себя и своего бизнеса «кокон», вроде бы обеспечивающий его безопасное функционирование. Ключевыми здесь являются слова «вроде бы». Гарантий раздача взяток не давала никаких. Зато в случае провала добавляла тяжести обвинению. У меня есть для вас отдельный, хорошо иллюстрирующий проблему пример.

1

Знакомьтесь: Рамиз Шабанов. 1949 года рождения. Азербайджанец. Все жизнь прожил в Баку. Закончил техникум. Член КПСС. Работал инженером-технологом участка № 3 галантерейной фабрики Министерства местной промышленности Азербайджанской ССР! Сегодня это все, что можно сказать об этом человеке. Как он жил, о чем мечтал? Кто была его жена, и какие планы они строили на будущее своих детей? На эти вопросы в уголовном деле и приговоре Бакинского городского суда ответов нет.

Есть другое. В 1987 году Рамиз Шабанов получил пятнадцать лет колонии. За что? На своем участке Шабанов организовал цех, частное предприятие. За те три года, что попали в поле зрения следователей, предприятие Шабанова произвело продукции примерно на 1 миллион рублей. По сегодняшним меркам – бизнес средней руки. Как небольшая лесопилка со столярным цехом. Или более-менее приличный автосервис.

Галантерейная фабрика – это несколько грязных корпусов, где кроили шторы, портьеры, подушки, изготавливали из пластмассы всякую бижутерию, коврики и тому подобное. Несколько сотен сотрудников. Нищенские официальные зарплаты. Что придумал Шабанов? Он, как это называется в современных учебниках по экономике, оптимизировал бизнес-процессы и запустил производство нового продукта.

Все товарные поставки осуществлялись в соответствии с директивами Госплана. И любое изъятие их части считалось хищением государственной собственности.

На участке Шабанова в числе прочего изготавливались так называемые «пенки» – коврики из пенополиуретана, которые в 70-80-е годы было модно стелить на пол в ванной или туалете. Параметры этих изделий, как и все в СССР, были заданы соответствующими ГОСТами. Шабанов прикинул, что толщину ковриков вполне можно и уменьшить – покупатели этого, скорее всего, и не заметят. А вот улучшение дизайна они заметят и точно оценят. Улучшений должно было быть два: бахрома по краям и обшивка из махровой ткани. Чтобы понять, насколько новое изделие превосходило в глазах потребителя прототип, надо перенестись на тридцать лет назад, в начало 80-х. Когда в магазинах и обычного-то коврика было не найти.

Если бы дело происходило сегодня, Шабанову было достаточно залезть в Интернет, набить «поставки пенополиуретана» в Яндекс и позвонить по телефонам контор, сайты которых внушают доверие. Во времена развитого социализма дело обстояло совсем по-другому. И дело было, естественно, не в отсутствии Интернета.

Начать с того, что в условиях государственной централизованной экономики все товарные поставки осуществлялись в соответствии с директивами Госплана. И любое изъятие их части считалось хищением государственной собственности. Иными словами, легальная возможность закупки сырья отсутствовала. Шабанов, естественно, это знал. Значит, надо было «отщипнуть» от официальных поставок. Вопрос в том как?

Сообразив что к чему, предприимчивый технолог набросал эскиз устройства, которое позволяло распускать надвое по толщине стандартные листы пенополиуретана. Через технологический отдел фабрики он внедрил устройство в производство. А знакомые в инструментальном цехе, где чинилось вышедшее из строя оборудование, за полтинник сделали все остальное.

«Добычу» второго важного ингредиента – махровой ткани для обшивки, Шабанов также наладил у себя под боком, в цеху. Работавшие под его присмотром вязальные машины он перенастроил так, чтобы те выпускали облегченное по сравнению с нормативами мах-

ровое трикотажное полотно. Получившиеся излишки стали сырьем для «левого» производства.

Наконец, бахрому и тесьму, которыми планировалось обшивать коврики улучшенного дизайна, Шабанов наладился выпускать на списанных фанговых машинах, которые некогда работали в цеху, а затем, после смены ассортимента выпускаемой продукции, пылились без дела на складе.

2

Вот и все. Буквально из ничего была собрана технологическая цепочка, позволяющая выпускать востребованный покупателями товар. А он действительно был таковым – иначе бы никак не удалось продать в течение ближайших трех лет около 120 000 изделий. Инвестиции – минимальные. И что характерно – жалоб потребителей на то, что махровая ткань стала потоньше, а коврики – не такие толстые, в уголовном деле Шабанова, которое было возбуждено в 1985 году, не было. То есть людей в принципе все устраивало. И если описывать деятельность бакинского цеховика с точки зрения предпринимательской логики, то все выглядит безупречно.

Ведь что сделал Шабанов? Он проанализировал имевшийся на тот момент спрос, сформулировал свое уникальное для рынка предложение. Оптимизировал имевшиеся на тот момент технологические процессы. Перераспределил в пользу нового проекта поставки части сырья, не ухудшив заметным образом характеристики выпускаемых изделий. Наконец, задействовал простаивающее без дела оборудование. Именно так и должен действовать эффективный предприниматель. Но это с точки зрения сегодняшнего дня. Ну а в 80-х годах все, что сделал Шабанов, классическим образом укладывалось в статью 88-1 Уголовного кодекса Азербайджанской ССР – хищение в особо крупных размерах.

Вы спросите, как же это все удалось организовать под носом у фабричного начальства? Да очень просто. Оно, естественно, было в доле. Начальник отдела технического контроля фабрики получал в месяц сначала по 60 рублей, потом, в последний год существования цеха – по 100 рублей.

Старшему товароведу и главному механику фабрики Шабанов выплачивал по 50 рублей в месяц. Начальнику отдела кадров и главному экономисту фабрики – по 30 рублей. Список людей, которым Шабанов ежемесячно платил фиксированное «роялти» за безбедное функционирование своего бизнеса, занимает без малого страницу в приговоре. Скрупулезность подсчета не может не удивлять – в числе прочего упомянуты два коврика, которые Шабанов отдал какому-то мелкому милиционеру чину.

Шабанов делился доходами с начальником вневедомственной охраны – тот должен был выпускать товар за пределы предприятия. Давал деньги сотрудникам местной типографии – и они печатали бланки документов строгой отчетности (квитанции, накладные, наряды и т. п.), которые позволяли превращать левую продукцию в официальную.

Шабанов заплатил в общей сложности около 500 рублей начальнику службы снабжения одного из крупных тюменских нефтедобывающих предприятий, и тот организовал поставки изделий Шабанова на Север. Расчеты производились, исходя из нормы 0,5 % от стоимости отгруженных изделий. Сегодня такие платежи было бы правильнее назвать не взятками, а вложениями в продвижение товара. Ну или откатом, хотя его норма у сегодняшних поставщиков «Газпрома», скорее всего, вызовет усмешку.

В основном же товар сбывался через бакинские магазины. Директора – знакомые Шабанова, – выписывали с фабрики необходимые им объемы, куда входила и «левая» продукция. Магазины получали товары. А затем накладные заменялись на новые, с той же датой и адресатом поставки, но с уменьшенными на величину «шабановской» продукции объемом поставки. Таким образом «левые» коврики выводились из легального оборота, и деньги за них поступали не на счет фабрики, а лично Шабанову. Директорам магазинов за сбыт и риск оставались 20 % от стоимости проданного товара.

3

Каков был масштаб бизнеса? Если мерить в прибыли, которую можно было из него извлечь, – то 8000 – 10 000 рублей в месяц. По меркам позднесоветского периода вовсе не мало. Но, интересная подробность, эти деньги получал отнюдь не один лишь создатель схемы Рамиз Шабанов.

...Основой распределения «доходов» от сбыта похищенной продукции между членами группы («компаньонами») было распределение с учетом денежного «паевого» участия, выражающееся в процентном состоянии суммы внесенной «компаньоном» доли. Стоимость одного процента паявого участия определялась возможностью получения прибыли от похищенной продукции: качеством оборудования, конъюнктурой, возможностью обеспечения сырьем, «безопасностью» осуществляемого преступления, возможностью сбыта продукции, условиями договора с торгующими организациями и др. Все эти факторы определили по решению членов группы расхитителей... стоимость 1 % в 1000 рублей. На таких условиях и из расчета указанной суммы в состав группы расхитителей и входили новые члены.

Из приговора Бакинского городского суда по делу Рамиза Шабанова

Что это означает в переводе на простой русский язык? Еще на старте проекта, в начале 1982 года, Шабанов привлек двух соинвесторов – неких Кямала Садыхова и Альберта Джаграева. Ведь на то, чтобы раздать кому надо взятки и настроить необходимое оборудование, нужны были деньги. Стартовые инвестиции были оценены в 100 000 рублей. Шабанов внес 30 000 рублей, заняв большую их часть у родственников. Садыхов и Джаграев внесли по 35 000.

Партнеры договорились, что капитал предприятия будет разделен на паи – по 1 % каждый. Стоить пай будет 1000 рублей, продавать свои паи можно будет и на сторону. То есть, выражаясь в нынешних терминах, на вторичном рынке. Этим правом первые партнеры Шабанова и воспользовались спустя примерно год после запуска бизнеса, продав свои доли по номиналу. Учитывая полученные за этот период деньги от текущей деятельности предприятия, инвестиции принесли доход в 90 % годовых. Это конечно, было несравнимо с процентами «Сбербанка». Шучу. Естественно, никто из этих людей всерьез не думал о том, чтобы зарабатывать деньги, размещая там депозиты.

Удвоив свой капитал, они вложили его в другое подобное дело. И возможно, там и погорели. А возможно, и нет. Вполне вероятно, что часть этих средств еще сыграла в начавшейся спустя каких-то восемь-десять лет большой приватизации на пространстве к тому времени уже бывшего СССР.

Но что касается Шабанова, то итог его истории печален – в 1984 году на галантерейной фабрике начались масштабные проверки. На предприятии была вскрыта система двойной бухгалтерии и десятки цехов, подобных шабановскому. Следственная бригада, укомплектованная специалистами из Москвы, принялась за работу. Дело нашего героя и его бизнеса было выделено в отдельное производство.

Следователи работали в ускоренном темпе, и уже через три года, в июле 1987 года судья бакинского горсуда Адинбеков скороговоркой зачитывал: «В стоворе с соучастниками Шабанов Р. под вывеской функционирующей галантерейной фабрики – социалистического предприятия с государственной формой хозяйственной деятельности – используя ее оборудование, энергетические ресурсы и оплаченный наличными средствами труд сотрудников,

занимался с целью извлечения прибыли изготовлением неучтенной продукции, т. е. частно-предпринимательской деятельностью, совершил таким образом преступление, предусмотренное статьей 152 УК Азербайджанской ССР», – казалось, все еще слышно было в зале. Вот как – с целью извлечения прибыли! Шабанов, пока судья зачитывал приговор, еще тщетно на что-то надеявшийся, устало закрыл глаза.

«Именем Азербайджанской Советской Социалистической Республики... Шабанова Рамиза Сафар-оглы... приговорить...» Пятнадцать лет колонии с конфискацией имущества.

Шабанову было 38 лет. Освободиться он должен был в 2002 году, в 53 года. Считай, пенсионером. Жизнь прошла.

4

Естественно, владелец цеха не был ангелом. Начать хотя бы с того, что своим компаньонам он периодически говорил, что надо бы дать дополнительных денег тому или другому чиновнику. Партнеры скидывались, а Шабанов денег никому не передавал, оставляя их себе. Всего он нагрел таким образом партнеров тысяч на тридцать рублей.

С другой стороны, он действительно давал взятки своему руководству, чиновникам, милиционерам. Более того, он давал их десяткам людей. Чтобы так, с легкостью, находить общий язык с людьми алчными и беспринципными, наверное, надо самому быть хотя бы отчасти таким. Уж во всяком случае, не мучиться совестью после каждой передачи подношения. Я это к тому, что

Шабанов, наверное, был не только ловким технологом, но и ушлым прохиндеем, достаточно толстокожим и циничным человеком. Иными словами, не тот человек, замуж за которого вы бы с легким сердцем отпустили свою дочь.

Чтобы получить сырье, его надо было украсть. Чтобы на это не обратили внимания – надо было дать взятку. Таковы были правила игры.

Но таковы были правила бизнеса, которые придумал и сделал обязательными для всех вовсе не Шабанов. Как указано выше, чтобы получить сырье, его надо было украсть. Чтобы на это не обратили внимания – надо было дать взятку. Таковы были правила игры. Шабанов в нее сыграл. Будь он в других обстоятельствах, действовал бы по-другому. Может быть, был бы и другим человеком.

Ну а если рассуждать абстрактно, то конечно, хорошо быть честным. Не давать взятки. Вести прозрачный бизнес. Но... Как бы это сказать точнее... Лучше приведу подходящий, с моей точки зрения пример. В Средние века в Европе шайки проходимцев промышляли похищениями младенцев. Украденных детей помещали в бочки, надевали им на руки и ноги специальным образом сконструированные колодки. Дети вырастали уродцами. И их продавали за хорошие деньги циркам или состоятельным клиентам, желавшим поразвлечься. То, что происходило с советскими предпринимателями, – из той же серии. Для человека, долгое время работавшего в подпольном бизнесе, оставалось слишком мало шансов не превратиться в той или иной степени в «морального уродца».

Обстоятельства среды, заданные сущностью плановой экономики и господствующей в СССР идеологией, были таковы, что действия, вырастающие из вполне естественного для человека стремления к успеху и достатку, принимали характер явно асоциальных и преступных. Какова в этом доля вины цеховиков и какова – системы? Сложно сказать. Во всяком случае, я бы не взялся судить, насколько это было за рамками общечеловеческой морали. И уж тем более обвинять или давать этим людям индульгенцию.

5

Ну а что касается Рамиза Шабанова, то судьба бакинского цеховика сложилось не столь уж трагично. Шабанов отсидел в СИЗО к моменту оглашения приговора около года. К тому времени в Москве началась перестройка. Уже меньше чем через год будет принят закон «О кооперации в СССР». Большая часть статей обвинения, по которым Шабанов получил свои 15 лет, уже не будут содержать состава преступления. А в 1991 году Азербайджан станет и вовсе независимым государством. Шабанов вышел из тюрьмы в 1992 году. Он отсидел в колонии лишь треть своего срока.

Но это будет потом. Пока же отмотаем пленку назад, в февраль 1984 года, во времена расцвета деятельности созданного Шабановым цеха. Характерная деталь – самую большую взятку, из тех, конечно, что попали в поле зрения следователей, Шабанов через посредника передал некоему Азизу Манафову, большой шишке в контрольно-ревизионном управлении Министерства местной промышленности Азербайджанской ССР.

Всего ревизор получил 15 000 рублей – колоссальная по тем временам сумма. Что-то, конечно, Манафов оставил себе. Но большая часть этих денег, безусловно, была передана наверх. Хотя это лишь предположение. В материалах дела Шабанова нет ни слова о том, что происходило с «рентой», которую он исправно платил своему начальству, чиновникам, милиционерам и прочим проверяющим. Куда дальше уходили эти деньги?

Между тем анализ этой части истории Шабанова пролил бы свет на то, как функционировала советская система «воспитания» бизнеса. Естественно, что хозяин частного предприятия на бакинской галантерейной фабрике не мог реализовать столь сложный проект (с модернизацией технологического цикла на предприятии, отлаженной системой продаж и перераспределением капитала между инвесторами) не будь он частью исправно работающего механизма, где подобные предприятия – в порядке вещей. И где их функционирует великое множество.

Впрочем, если «дело Шабанова» об этом молчит, то возможность разобраться в ситуации предоставляют другие источники...

Глава III

Разворованная республика

...Лето 1973 года. Жара в Баку. Город – белый, как застывший в шторм седой Каспий. Такое же белое солнце, нависшее над набережной.

В здании ЦК Компартии Азербайджана, сооружении 40-х годов в стиле сталинского классицизма, в кабинете первого секретаря состоялся непростой разговор.

– Уезжаешь, значит? – спросил Гейдар Алиев, уже четыре года к тому времени – глава республики. В этом качестве он будет пребывать до 1991 года. А затем, после перерыва, – с 1995 до 2009 года, до самой смерти.

– Да.

– Ничего не достиг полетом, решил хоть чего-то достичь, хромая?.. Сумасшедший.

– Кто?

Алиев посмотрел, хмуро сдвинул брови, отвернулся. Разговор был закончен.

Так описывает свою последнюю встречу с Алиевым Илья Земцов, бывший заведующий сектором информации ЦК Компартии Азербайджана. До определенного момента Земцов был одним из доверенных лиц Алиева, помогал Алиеву прийти к власти. Тот в благодарность командировал его в Москву, в секретариат ЦК КПСС.

Но в столице карьера ученого-социолога не сложилась, Земцов вдрызг разругался со своими кураторами из Академии наук. Непростая атмосфера в высших слоях советской партноменклатуры, грызня за должности, подковерная борьба Земцова тяготили. Он всерьез задумался об эмиграции. Впрочем, чтобы выехать, необходимо было получить разрешение. Земцов полетел к Алиеву, надеясь, что он поможет. В ходе состоявшегося разговора социолог ненавязчиво намекнул первому секретарю Азербайджанской ССР о некогда оказанных услугах, которые помогли Алиеву занять его пост. Алиев, морщась, обещал помочь с разрешением на выезд.

В 1973 году Земцов выехал в Израиль. В 1976 году опубликовал в Париже книгу «Партия и мафия. Разворованная республика». В ней на основе закрытых материалов доступ к которым Земцов получил, работая в ЦК Компартии АзССР, в подробностях описано, как работал теневой сектор советской экономики в 60-70-е годы. Вот один из показательных эпизодов.

1

Время действия – 1970 год. Место действия – Баку, завод лакокрасочных покрытий. Схема проста: компоненты изготавливаемой краски – белила и растительное масло – заменялись суррогатами – мелом и асидолом, стоимость которых в десятки раз ниже. Действующие лица – начальник цеха Даждамиров и заведующий складом Осипов. Как пишет Земцов, один из них периодически выезжал на предприятия, вырабатывающие полуфабрикаты, в частности на Ярославский химический комбинат. Взятка в 2–3 тысячи рублей – и вместо положенных по нормативам снабжения 200 тонн белил, в Баку отправлялись 100 тонн белил и 400 тонн мела.

Дальше – проще: вместо необходимых по плану 300 тонн краски цех изготавливал 600 тонн. Учтем при этом, что себестоимость краски заметно ниже официально утвержденной – ведь в качестве сырья использовали некачественные, но более дешевые заменители. Учетчик продукции и лаборатория – в доле. Они регистрируют изготовление лишь 300 тонн, ну и, как правило, еще 20–30 тонн дополнительно – для перевыполнения плана. Для чего, спросите вы, расхитителям социалистической собственности нужны сверхплановые поставки? Все очень просто: начальник цеха – член райкома партии, а кладовщик – народный депутат, член местного райсовета. Чтобы двигать партийную карьеру, им нужно быть в передовиках производства.

Изготовленные вне плана 300 тонн краски распродаются через сеть магазинов торговой кооперации. Директора магазинов, естественно, проверенные люди, и они в доле. У них оседает часть выручки. Кое-что перепадает продавцам. Ну а большая часть дохода, около 70 %, – пишет Илья Земцов, – возвращается в цех-производитель.

Обороты бизнеса? Можно прикинуть. Один килограмм краски продавался за 2 рубля. Умножаем на 300 тонн – получаем годовой объем продаж 600 000 рублей. Доход создателей схемы – около 420 000 рублей. Колоссальные деньги, учитывая, что инженер в год получает максимум 1500 рублей.

Характерная деталь – масштабы бизнеса цеха, задействованные схемы, доход участников схемы примерно одинаков и в описанном Земцовым производстве «левой» краски, и в «шабановском» цехе. Два эти эпизода, напомним, разделяет более 10 лет.

Схемы ведения подпольного частного бизнеса внутри советской экономики с конца 60-х годов до самой кончины СССР принципиально не менялись.

Что это значит? Лишь одно – схемы ведения подпольного частного бизнеса внутри советской экономики были, если можно так сказать, вполне стандартными. И по крайней мере, с конца 60-х годов до самой кончины СССР принципиально не менялись. «Все, что я описал на модели одного цеха, переведите в масштаб страны: тысячи и тысячи цехов, фабрик, заводов – и вы получите близкую к действительности картину гигантского организованного подпольного бизнеса», – пишет Земцов.

Меняется номенклатура товаров, география, технология производства, но структура преступления неизменна – подмена дорогих компонентов дешевыми, тайная скупка внефондового сырья, внесение изменений в технологические процессы. А зачастую и то, и другое, и третье вместе. Одинаковая, в общих чертах и схема реализации – через знакомых директоров магазинов, фальсифицируя отчетность.

Вот еще примеры.

2

Харьков. В меховом цехе местного облпотребсоюза в середине 80-х была вскрыта схема – при раскрое меха, утеплителя для подкладок и тканей искусственно раздулась норма списания материалов. Там, где по технологии требовалось использовать материал в один слой, ткань якобы кроилась из расчета в два слоя. Появлялись новые украшения и меховые детали, никак не предусмотренные техническими описаниями изделий. Появлялись, естественно, лишь в отчетности, чтобы обосновать повышенный расход меха. На самом деле никаких украшений не было. Просто из сэкономленного таким образом сырья шились сверхплановые шапки, пальто, шубы.

Для того чтобы скрыть эти операции, участниками была разработана изощренная схема оформления внутренних документов и движения накладных. Сбыт товаров происходил через крупнейшие универмаги Харькова. Задействованные в схеме директора, товароведы и заведующие отделов магазинов, принимая неучтенный товар, изготавливали фальшивые документы, где было занижено количество принятых к реализации изделий. Пальто, полушубки и прочая нелегальная продукция запускалась в торговый оборот. А затем та часть выручки, которая приходилась на его продажу, изымалась из касс и делилась между участниками предприятий. Оборот незаконного предприятия составлял около 300 000 рублей в год.

Следствие смогло проследить функционирование описанной выше схемы по крайней мере в течение всей первой половины 80-х. Скорее всего, нелегальный пошив одежды в Харьковском облпотребсоюзе процветал и до этого. Разве что с другими участниками. Они от кары ушли. Но тем, кто попал под раздачу в 1984 году, досталось по полной – десятки человек, включая пятерых директоров магазинов и трех организаторов процесса непосредственно на швейной фабрике получили сроки по пять-десять лет.

Ивановский текстильный комбинат, ткацкий цех по производству женских платков. В 1971 году выявлено – платки не соответствуют стандартам. На 18 квадратных сантиметров меньше, на 31 грамм легче. То есть на предприятии был создан канал по добыче сырья для нелегальных производств. Масштабы: годовой объем производства – 800 000 штук. На изготовлении каждого платка в пользу теневого сектора экономики изымался 31 грамм. Всего за год на всем производстве – около 25 тонн.

Крупнейший в СССР радиозавод имени Попова. В 1970 году обнаружилось, что в транзисторах ВЭФ (может быть, вы еще помните, были такие радиоприемники размером со школьный ранец) схема не соответствовала реальному количеству диодов – их было на один меньше. Стоимость одного диода – 82 копейки. В год завод производил 182 000 приемников. Результат – формировался тонкий ручеек нелегальных внеплановых поставок для сотен, если не тысяч мастерских по ремонту электротехники и бытовых приборов. И ведь кто-то эту схему построил и контролировал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.